

ВЕСТИНИКИ ИЗ КОСМОСА

В Москве закончилась работавшая шесть дней Международная конференция по космическим лучам, организованная Комиссией по космическим лучам Международного союза чистой и прикладной физики. В ней приняли участие ученые 25 стран. Наш корреспондент обратился к секретарю комиссии, видному английскому ученому, лауреату Нобелевской премии С. Ф. Пауэллу с просьбой поделиться впечатлениями о работе конференции.

СОВРЕМЕННЫЕ взгляды на происхождение космической радиации, — сказал С. Ф. Пауэлл, — во многом обязаны успехам радиоастрономии, тесно связаны с представлениями о развитии звезд, образовании элементов внутри звездных тел, с представлениями о физических условиях в межзвездном пространстве. Согласно теории советского ученого В. Л. Гинзбурга, японца С. Хайявы и других, космические лучи возникают при вспышках так называемых «сверхновых звезд», которые в основном концентрируются вблизи центра нашей звездной системы — Галактики. Вырываясь из этих областей, потоки частиц космического излучения в дальнейшем ускорятся до очень высоких энергий в электромагнитных полях огромного разреженного газового облака, пронизывающего и окружающего нашу Галактику.

Другой важный аспект исследований космических лучей связан с тем, что в них имеются частицы таких энергий, которые мы не можем надеяться получить даже с помощью самых мощных ускорителей. Если огромный синхротрон в Дубне, предназначенный для исследований атомного ядра и элементарных частиц, разогнет протоны до энергий в 10 миллиардов электронвольт, то в космических лучах можно изучать столкновения протонов с другими частицами материи в области энергий, достигающих тысячи миллиардов и даже миллиарда миллиардов электронвольт! А это означает, что здесь физики встречаются с совершенно новыми фактами и процессами. Об этом убедительно говорилось в сообщениях на нашей конференции.

Например, в докладах профессоров Н. Добротина, Н. Григорова (СССР), П. Фаулера, Д. Перкинса, К. Пинкуа и др. (Великобритания). Важный раздел работ — детальное изучение так называемых широких атмосферных ливней космических частиц. По этой проблеме особенно большой интерес вызвали доклады групп профессора В. Росси (США) и профессора Г. Зацепина (СССР).

Очень ценны исследования об изменении интенсивности космических лучей в пространстве между Землей и Солнцем, об электромагнитных свойствах космического пространства, о корпускулярном излучении Солнца и т. д., полученные с помощью ракет и спутников. На конференции по этому разделу с особым вниманием были заслушаны доклады американского ученого Дж. Ван Аллена и советских физиков С. Н. Вернова и А. Е. Чудакова.

Усиление международного сотрудничества, личные контакты, завязанные на Московской конференции, плодотворное сопоставление научных идей и экспериментальных данных, представленных различными странами и лабораториями, очень важны для дальнейшей успешной работы в области космических лучей. На меня и, я уверен, на моих коллег из других стран большое впечатление произвела работа советских ученых по космическим лучам, огромный размах и тщательность их экспериментов.

«Совершенно ясно, — заключает проф. Пауэлл, — что исследование космических лучей имеет большое значение для знания среды, в которой нам придется путешествовать при непосредственном изучении Вселенной.

СОВЕЩАНИЕ МОЛОДЫХ

В городе Ош состоялось республиканское совещание молодых писателей Киргизии, на котором присутствовало около ста человек. С докладом об итогах Третьего всесоюзного съезда писателей выступил первый секретарь правления Союза писателей Киргизии Т. Абдумомунов.

А. Токомбаев, Т. Уметалиев, С. Шимеев, С. Эралиев, Ш. Бейшеналиев, Ч. Айтматов, К. Бобулов подробно анализировали произведения молодежи. На совещании выступили секретарь ЦК КП Киргизии А. Назакбаев и первый секретарь Ошского обкома партии М. Абдыкулов.

Академик Н. П. Барабашов в обсерватории Харьковского университета. Фото М. Аллерта

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Хорошо работают домноремонтники. Они привыкли спать, потому что знают, во сколько тонн чугуна обходятся каждые сутки, каждый час простоя. И руководители у них, и бухгалтерия, и фигурально, обстрелянные. Начальнику Тульского стройуправления, в прошлом офицер-танкист, П. Яху — сорок семь лет, а петь, которую он ремонтирует, сорок четвертая по счету. Его помощник на этом ремонте А. Радугин начал свою трудовую жизнь на монтаже вранов в осажденном Ленинграде в составе бригады учеников ремесленного училища. Одного из монтажников убило прямым попаданием снаряда, другого сбросило взрывной волной с крана, а остальные продолжали свою работу — демонтировали оборудование и отгружали его на Урал. Сейчас Радугин — старший прораб Запорожского стройуправления.

А при чем тут Запорожье? — поспешит недоуменный вопрос. Это уже в порядке взаимопомощи. Совнархозы прислали сюда не только прорабов, но и рабочих из Жданова, Енакиеве, Запорожья, Краматорска.

Тульский совнархоз мобилизовал на ремонт дома (хотя это, по сути, не ремонт, а строительство) двенадцать организаций. Нам впервые приходится видеть в доменном цехе шахтеров. При прежних министерских перерождениях это было бы невозможно. А сейчас и горные предприятия поднимаются совнархозу. Отсюда видят здесь результат перестройки управления промышленностью, и не менее приятно видеть, как между совнархозами крепнут деловые связи.

Идет очередное совещание по ремонту комплекса — оперативка. Как-то один из литераторов после горячей творческой дискуссии, где было затронуто много грубых слов, объяснял мне: «Мы, литераторы, люди эмоциональные, с повышенной нервной возбудимостью, поэтому у нас такая «драчка». Посмотрел бы этот литератор на людей, которых он считает менее эмоциональными, какие страсти разгораются на оперативке из-за каждого потерянного часа, вокруг того или иного решения! Только литератор после такой дискуссии год не разговаривал со своими противниками, а здесь мы видим, как строители, несмотря на перебранку между собой, дружно идут выполнять задания начальника комплекса.

КАК ЭТО МОГЛО СЛУЧИТЬСЯ?

ПО СЛЕДАМ ОДНОГО ПИСЬМА

МНОГО лет в селах Смоленской области работал врач Сергей Васильевич Лютов. Это был неутомимый труженик, влюбленный в свое дело и выполняющий его с сознанием своей ответственности за жизнь и здоровье советских людей. Упорно работая над повышением своей квалификации, он овладел искусством хирургии и многим спас жизни.

Обладая общей высокой культурой, твердой волей и сердцем, чутким к человеческой боли, Сергей Васильевич Лютов принадлежал к числу лучших представителей сельской интеллигенции, героически борющихся за счастье своего народа. Не будучи преувеличением, если мы назовем С. В. Лютова прекрасным советским человеком.

По окончании войны Лютов мог работать в городе. Но он приехал в село, разоренное гитлеровцами, и открыл прием больных среди развалин, в каморке, освещенной тусклой керосиновой лампой.

В колхозах, разграбленных фашистами, осталось очень мало лошадей, и врач Лютов ходил пешком из деревни в деревню, оказывая помощь больным, ютившимся в сырых землянках.

И вот так, год за годом, прошли еще двенадцать лет самоотверженного труда. Незаметно подкралась старость, пошел седьмой десяток, но Лютов с утра до ночи на участке, а ночью — за книгой: медицина идет вперед, нельзя отставать.

И вдруг этого неутомимого человека не стало: он сам трагически ушел из жизни, которую так любил и оберегал, не щадя своих сил.

«Мне очень тяжело писать об этом, я потерял любимого мужа и жизнерадостного, любящего музыку, знания и науку человека», — пишет жена С. В. Лютова Московскому писателю.

Как же это могло случиться? — спрашиваем мы тех, кто жил и работал вместе с врачом С. В. Лютовым, кто не мог не видеть, не знать, что ему трудно жилось.

С. В. Лютова назначили главным врачом туберкулезного санатория в Пышкове, Гжатского района. «Не желая своих последних сил, он привел санатория в должный вид как в смысле хозяйства, так и лечения», — пишет его жена. «Дороги в том районе ужасные, и ему ездить приходилось на 12 километров в Гжатск, между тем большие все жаловались, что питание плохое, а он все это очень переживал...»

Знали ли областные организации, как старик-врач ездил на лошади за хлебом для больных санатория?

Лютов посылает в областную прокуратуру просьбу освободить его от работы и дать ему возможность перейти на пенсию, которую он заслужил своим честным трудом. Ему не ответили. Лютов посылает второе письмо. Ответа нет. Лютов посылает третье письмо. И на третье письмо не получил ответа.

Может быть, прокурор, призванный следить за соблюдением социалистической законности, оказался более чутким и ответил на заявление, направленное ему врачом Лютовым? Нет, и прокурор не ответил.

И лишь после того, как Лютов написал пятое, но, к сожалению, уже предсмертное письмо-заявку, о нем все вспомнили, и началось расследование «по факту смерти».

То, что произошло в Пышкове, заслуживает, как нам кажется, самого серьезного отношения и глубокого внимания со стороны советской общественности и руководящих организаций Смоленской области.

М. ИСАКОВСКИЙ, В. ИЛЬЕНКОВ

ПЕРЕД отъездом в Смоленскую область я позвонил одному из авторов письма — В. П. Ильенкову, чтобы узнать некоторые подробности этой трагической истории. Но, кроме скорбного письма жены С. В. Лютова и скупого ответа областной прокуратуры, у писателя ничего не было.

Прочтите мой рассказ «Облабей», — сказал он. — Речь в нем идет о Сергее Васильеве.

Позже, уже приехав на место, где работал врач Лютов, разговаривая с людьми, знавшими его, я вновь и вновь убеждался в абсолютной достоверности и художественной точности образа рядового сельского врача, взятого писателем из жизни. И чем больше вникала я в трудную и славу жизнь Лютова, тем теснее переплетались факты из его биографии с эпизодами рассказа «Облабей».

Через многие годы жизни, где бы ни приходилось работать Лютову — сеголетом ли, санитаром ли, — принес он свою давнюю мечту стать врачом. Может быть, именно этот долгий и трудный путь к диплому дал ему не только знания, но и то, без чего мертва бывает любая профессия, а особенно профессия врача, — нежную, верную любовь к делу, избранному на всю жизнь, и не угасавшее веное волнение за это дело.

Все было, как в рассказе и как бывает в жизни сотен сельских врачей. Ночные вызовы по бездорожью в осеннюю сырасть и зимнюю пургу, больно рвущие недуги и светлые, все озаряющие радости, которыми полна жизнь врача. Новая жизнь в селе, долготрапезная аппаратура в амбулатории... А после войны назло было все начинать сначала, на развалинах, на пустах.

В деревне Бессоновой я видела больницу — полуразрушенный ветхий барак (ее теперь перевели в другое, хорошее помещение), где в последние годы работал Сергей Васильевич. Не нужно было никаких свидетельств, чтоб понять, какой незамысловитый, буднично-покойный, но вечно живой, вечно молодой человек, работавший в подобных условиях. Мне вспомнились слова Елены Ивановны Лютовой — жены Сергея Васильевича:

«Всю жизнь мужу доставались очень трудные участки — разрушенная амбулатория в Озерихах, то развалиха больницы в Бессонове. Но он не жаловался и не собирался уходить из деревни, разве только помечтает иногда о светлых палатах городской больницы. Да все недосуг было».

Все, знавшие Лютова, говорят не только вот об этой самоотверженной любви его к делу. Вспоминают, какой живой интерес проявлял ко всему, что происходит в мире, как жил он полно, жарко и широко.

То, что произошло позже, в пору работы С. В. Лютова в туберкулезном санатории в Пышкове, так не вяжется со всем строем жизни врача, его отношением к действительности, что кажется нелепой, неправдоподобной трагической ошибкой.

Да так, собственно, и есть. Трагическая ошибка, которой могло бы и не быть... Но, думается, не время сейчас говорить об отношении к самому акту самоуправления, который вряд ли закономерен даже и тогда, когда человек попадает, казалось бы, в безвыходное положение. В данном случае не было ни безвыходности, ни какой-либо очевидной злонамеренной травмы. А было то чинное, холодное равнодушие, которое ранит порой сильнее всего другого.

Старому врачу была нанесена большая, тяжкая обида, и он не спел ее.

На папке, которую дали мне в Смоленской областной прокуратуре, надписи: «По факту смерти главного врача санатория «Пышково» Лютова С. В.».

«В ноябре 1957 года Лютова назначили главврачом туберкулезного санатория «Пышково». Санаторий отделен от железной дороги и, как свидетельствует теперь заместитель заведующего областным здравотделом М. М. Лилов, представляет объект тяжелейший — «глубинность расположения, плохие пути сообщения, неблагоприятное устройство санатория».

Это было первым звеном. Сельский врач отмечал свои шестидесятилетий юбилей. На пенсию он пока не собирался уходить. И если бы в областном здравотделе, в первую очередь подумали бы о том, как облегчить, а не усложнить работу врача, столь много сил положившего на благо здоровья человека.

Лютов за всю жизнь ни от какой работы не отказывался. Он поехал в санаторий. За очень короткий срок он сделал немало — выстроил подсобные помещения, отремонтировал санаторий. Но в него обрушились новые и новые заботы. В его письме главному врачу областного здравотдела К. К. Иванову Сергей Васильевич писал: «С продуктами дело обстоит плохо. Гжатск, а значит, и мы располагаем только мясной крупой, вермишелью, рисом, манной крупой. С большим трудом добился, чтобы молокозавод отпустил нам творог. В воскресенье предпринял поездку в Можайск для закупки на

ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Георгий ГУЛИА

РАССМАТРИВАЯ проблемы современной прозы, нельзя не поставить некоторые вопросы, относящиеся к писательской технике. В связи с этим мне хотелось бы высказать несколько мыслей, хотя, возможно, я и не избею повторений общезвестных истин. Но без этого, видимо, трудно обойтись — иногда истины в литературе уживаются с противоречащей им практикой.

Высокий принцип партийности, огромное воспитательное значение нашей литературы, активно борющейся за построение коммунизма, воссоздающей образ народа-строителя, предполагают высокое мастерство художника, изящество формы, богатство красок.

Ведя профессиональный разговор о писательской технике, прежде всего приходится иметь в виду

ТАЛАНТ

литератора, который и определяет самое существенное в произведении. Известно, что талант становится настоящим, большим только в сочетании с трудолюбием, разработкой тем современности, теснейшей связью с жизнью народа, неустанной борьбой за благо народа.

Когда имеешь дело с подлинным талантом и говоришь о писательской технике, следует быть готовым ко всецелому роду «неожиданностям». Ибо, как известно, талант трудно поддается регламентации и легко ломает самые казавшиеся бы устойчивыми литературные законы. А иной писатель подобно долгому времени не действующему вулкану: молчит, молчит и вдруг заговорит замечательными книгами!

Читая критические статьи и рецензии, порою замечаш попытку учить писательскому мастерству людей, определенно лишенных таланта. И творческие разговоры мы ведем иногда так, словно они рассчитаны главным образом на тех, кто не очень-то, как говорится, способен к письму.

Берется, например, определенно се-

рый роман. Рассматривается он со всех сторон. Добросовестно рассматривается. И содержание досконально перескачивается. Добрежелательно отмечают «некоторые недостатки», которые, как правило, оказываются «несущественными», а книга признается «полезной». А талант? Присутствует ли в такой книге хотя бы крупица таланта? На это обычно не находят ответа. Да и само это слово — талант — как-то исчерпано. А ведь мастерство критика и заключается в поисках таланта, в определении его новаторской сущности. Любая критическая рецензия (если она серьезная) должна быть внутренне превращена в убедительную критику в том, что его пыл и труд не будут потерян даром. Если перед ним произведение талантливое, хотя и не лишнее недостатков, — можно не жалеть ни сил, ни времени для прямого разговора. А главное, таким произведением можно и должно восхищаться и без оговорок — просто так, по-человечески порадоваться успехам писателя. Если же книга ремесленная, то стоит ли вообще тратить время и — в который раз — повторять азбучные истины, вместо того чтобы ясно сказать, что произведение лишено главного — таланта! Мы мало, к сожалению, отбрасываем. Верно, печатать надо и талантливо, и среднее, чтобы случайно не задержало в портфеле издательства талантливое. Но уж потом, публикуя оценивая произведение, мы должны быть значительно суровее.

При ином подходе серьезные романы возрождают к жизни серьезные критические статьи. И в таких статьях поражает

МНОГОСЛОВИЕ

обычно присущее и серым романам. Многословие — бич литературы. Больше всего, на мой взгляд, оно проявляется

его становится обременительным. Отсюда и та скудность, которой веет от многих книг. Не следует забывать, что занимательность — очень дорогая человеческой душе. Познавательная и воспитательная ценность книги будет тем выше, чем охотнее читатели будут дочитывать ее до конца.

Это не значит, что я призываю к предельному заострению сюжета, как это делается в приключенческой литературе. Но недостаточная забота о сюжетных линиях, подсказанных самой жизнью, часто порождает скуку.

Классика дает нам примеры как остро сюжетных произведений, так и произведений с нарочито замедленным развитием сюжета. Классики всегда заботились о сюжете. Говоря откровенно, делать остро сюжетные вещи значительно труднее — здесь гораздо больше работы для литератора. Но результаты зато благодарнее.

Сюжетная рыхлость — реально существующая болезнь многих наших книг.

С этим вопросом очень тесно связан один из главных компонентов нашей писательской профессии —

ЯЗЫК

О нем немало говорилось и на писательских съездах, и в печати. Внимания ему уделяется сейчас значительно больше, чем в недалеком прошлом. Но этого все же недостаточно.

В большинстве критических и библиографических статей продолжается разбор произведений вне их связи со стилем, с языком. Приходится с сожалением констатировать, что большинство выходящих романов лишено яркой, индивидуальной авторской речи. Мешанина, состоящая из газетного и областнического языка, придает произведению унылую форму. Чрезмерная инвентаризация языка персонажей не приносит авторам никаких лавров.

Однако за справедливыми упреками в бедности языка наших книг иногда упускается желание легонько повернуть современных писателей к языку классиков. Из этого, скажем прямо, ничего путного не выйдет. Все лучшие произведения социалистического реализма примечательны не только сво-

В ПОИСКАХ СВОЕГО ПУТИ

Ирина СОЛОВЬЕВА

«КАРТОЧНЫЙ ДОМИК» Олега Стукалова — не из «самогравных» пьес, чей успех на сцене обеспечен заведомо: он и не из тех произведений, истолкование которых подсказано фразами-вешалками, расставленными заботливым автором. Мысль «Карточного домика» не расширяется в ударных абзацах. Даже когда сам автор предпринимает такую попытку, она ему не удается. Раздумья его шире, нежели те соображения, которые слышатся в словах героя в финальном акте.

«Меня веди за руку то ты, то мать, то школа, иди сюда, иди туда, то же не делай, тому учись... Знай себе, катись по приглаженной накатанной дорожке, куда-нибудь приедешь... Вот и вырос маленьким сыном, ни черта не зная, не умея, и с гонимой «прищипкой», — объясняет сам себя Николай в разговоре с отцом... Что же можно было бы построить всю пьесу как серию иллюстраций к тезису о тепличном воспитании, едва не забываясь юному, рассказав о том, как трудно пришлось маленькому сынку «с горюлом», как жизнь мало-помалу научила его уму-разуму, выдала блажь, пригодила к труду. Такая пьеса была бы не глупа и небесполезна. Но Олег Стукалов написал другую пьесу.

Она начинается сразу, бурно. Николай, одним махом разрубая все узлы, забрал документы из деканата, расправился с физикой («А если безнаденно, если бездарен, как пеня, если ненавижу до оскомины физику?») и привел в отцовскую квартиру свою Нинку: «Имена моя, не сердись, мама». Потом, найдя в себе мужество оскорбиться именем издательства, ушел с чемоданом на улицу.

Николай ушел из дому, обремененный мешанкой расчлененности, на каждом шагу наставляющей, с какой стороны бутерброд намазан маслом. Он столкнется с отличными, наставляющими людьми — с миллионером Петей, оказавшим гостеприимство молодым супругам, с рабочим парнем Игнатом, становящимся его соперником в любви; со столкнулся и с густой, подлой обывательщиной. Существо, вроде бывшего человека Гаврилина, которые для Николая были фигурами литературными, отошедшими, усевшимися, живут, оказываются. И, гастрюя, обещают сохраниться впрямь.

Но пьеса «Карточный домик» — против мешанства, а не о мешанстве. И интонация ее не бытовая, а романтическая; воздух тут легкий, веселый; ритм ее задан не мелоческим обывательским мыслитель, — это ритмы крепкие, четкие, победительные.

Здесь, в этом доме-клоповнике, Николай находит противника, находит свой путь в жизни.

Так задумано развитие судьбы героя и развитие темы пьесы. Однако же, отлично написав проповедь Гаврилина — мыслителя и лирика мешанства, Стукалов куда хуже смог представить мешанство не философствующее, а деятельное. Норка-Нюрка, хорошеющая духа в узких портках, чершащая завскакая девочка, упоенная новоткрытым пижонством, написана драматургом с неистребимым добродушием. Стиляга — «метр», наставник и любовник Норки — Васин только дублирует мысли Гаврилина, переводит его философские трели на деловой язык современности.

Наши юбиляры

Исполнилось 60 лет М. Швершину, русскому писателю, работающему в Уфе. Исполнилось 50 лет С. Соловьеву, писателю СССР и московскому литератору, похороненному в привокзальной галерее.

В этой связи хочется отметить Михаила Ивановича, доброго, долгого лет жизни и новых творческих успехов на благо многонациональной советской литературы. Исполнилось 50 лет С. Соловьеву, писателю СССР и московскому литератору, похороненному в привокзальной галерее.

Великий русский писатель Владимир Маяковский исполнилось 50 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР в приветственной телеграмме юбиляру пишет: «За тридцать с лишним лет творческой деятельности вы создали ряд боевых, талантливых произведений. Высокую оценку получили поэма «Страна моя» и сказка в стихах «Адриш». Своим творческим трудом вы постоянно сочетаете с общественной деятельностью. Желаем вам, дорогой Владимир Иванович, крепкого здоровья, новых творческих успехов на благо нашей родины».

Изданию в Московском педагогическом институте имени В. И. Ленина состоялось заседание докторов философских наук, литературоведов Анатолия Андреевича Волкова в связи с 50-летием со дня его рождения. Были оглашены приветственные телеграммы бюро правления Союза писателей РСФСР, Московского отделения союза, ученых и литераторов.

Вопросы языка непосредственно примыкают к общим и важным вопросам, какими являются поиски стиля, поиски формы.

Когда я читаю некоторые наши романы, у меня создается впечатление, что мы в смысле формы кое-что утеряли по сравнению с лучшими произведениями прозы 20-х годов, приблизившись к неумелым образцам XIX века. Что-то не часто встречаешь книгу, в которой, например, стремительно развертывается сюжет, а живое чередование картин будоражит воображение. Зато нередко наткнешься на диалог, близкие по своему стилю к бобрышкинским.

Наше воображение работает чрезвычайно интенсивно. Нам уже нетрудно представить себе полеты в межпланетное пространство. Благодаря кино, радио, газетам мы многое знаем о далеких странах. Мы иногда с полуслова понимаем рассказчика, повествовавшего о весьма и весьма серьезной проблеме.

Короткий намер, лаконичная фраза, одно восклицание вызывают целый ряд ассоциаций. Нам, литераторам, надо учитывать перемены в психологии, восприятии и культурном уровне читателя. И от него требуются развешивать над ним динамичные формы повествования. Трудно дать рецепт, какова должна быть эта форма в идеале. В качестве эталона — если можно говорить об эталонах в литературе — она сформируется в будущем.

В архитектуре, во всеобщей радости, мы отказались от архаичных колонн. В Москве все чаще сооружаются здания в стиле панорамного кино, спортивного ансамбля в Лужниках и жилых кварталов в Юго-Западном районе.

менного пошлака. Непосредственная же практика его не столько неприглядна, сколько вымыслена: перелататель португальских пьес на современные советские нравы — фигура неестественная, чрезвычайная и неопасная. А ведь целью автора было распознание районов «глубокого залегающего» мешанства, борьба с ним там, где оно, черт его разрази, не наносное, а спокон веку...

Потребность принять участие в такой борьбе превращается для Николая в потребность глубоко личную. Тем более настоятельную, властную, чем полнее раскрывается перед ним даль большей нашей жизни, ее сила и красота.

Стукалов написал человека очень молодого, обостренно честного, нетерпимого к фальши вообще и прежде всего к фальши своего собственного положения совершеннолетнего индивидуса: фатоватая ирония его защитна и поверженна; напряженность нравственной жизни, настойчивая, возмущенная самостоятельность, истеричность ко всяческой житейской драме — все это написано точно, как бы «с натуры».

Человек выломался из привычного жизненного положения. Эта ситуация важна не только для движения фабулы — она становится отправной и в эстетических законах. Герой с обостренным восприимчивостью, герой — новик в данной жизненной обстановке, этот персонаж найден автором счастливым и точно. Выбор героя помог тому, что в пьесе быт получает философскую оценку; быт существует на сцене не сам по себе, а как объект размышлений. Он раскрывается в своих живых контрастах — и в том главном, прекрасном и сильном, что влечет к себе Николая, и в том мелочном, уродливом, что он ненавидит. Отсюда характер изображения быта, отсюда особый, философический склад бытовое, по видимости, комедии.

Взвешенности, напряженности, едкости героя отвечает маера автора. Что больше всего претит Стукалову, — гладкость. Кажется, даже, что он иной раз нарочно взлохмачивает реплики, его неожиданности иной раз выглядят преднамеренными. При всем том оригинальное его вовсе не деланная. Это произведение безусловно несовершенно и безусловно талантливо.

Если не сказать об этом, о талантливости, — не скажешь о главном. «Карточный домик» поставлен в Малом театре режиссером Дмитрием Вурсом. Малый театр увидел в Стукалове «своего» и был прав. Этому театру близка и «романтически-бытовая» манера, и то понимание слова на сцене, которое угадывается в работе молодого писателя. Персонажи «Карточного домика» говорят ярче, сильнее, красивее, чем в быту, — это во-первых, а во-вторых, Стукалов видит в слове не только средство общения между героями, он помнит о прямой образности слова — помнит и умеет его использовать.

Малый театр «принял» Стукалова. Значит ли это, что здесь не видны несовершенства его первой пьесы? Во все нет, ибо они наглядны. Как не смешивающиеся струи только что слышавших рец, идут тут слои разнородных литературных влияний, так что даже удивляешься, как можно зараз испытывать воздействие Леонова, Розова и Юрия Олеши. (Впрочем, автор не грешен зато в худшем из подражаний — в подражании штампу, в подражании «средней пьесе»). В пошарянке и философе Гаврилина, в этом пьяном владыке садов Семирамиды и наследнике всех поэтических грез мешанца, как не отгадать отражение Ивана Бабичева, «короля пошлаков» из «Заговора чувств». Но вот Гаврилин витает шепотом у себя дома, среди колесной мебели: «...соскочишь и ты с про-

МИХАИЛУ ИСАКОВСКОМУ

(ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО)

Дорогой Михаил Васильевич! Все эти дни я размышляла о Вашей статье «Об этом надо сказать решительно и прямо», опубликованной в «Литературной газете». Я должен признаться, что Вы справедливо критиковали мои стихи последнего времени. Вероятно, я бы мог спорить по отдельным Вашим замечаниям. Но я понимаю, что это ни к чему. Разговор должен быть большим и принципиальным.

Большое впечатление произвело Ваше письмо на новом мосту. Это сегодняшняя архитектура. В нашей литературе, так же как в оперных и балетных постановках, к сожалению, все еще много от вчерашней формы — больше, чем это нужно с точки зрения преемственности традиций. Мы мало думаем над формой и мало о ней спорим. И критики злятся пассивно. Но ведь известно, как трудно новому содержанию отлиться в новую форму и как нужна тут страстная, умная поддержка критика!

Серьезные поиски формы, поиски стиля в литературе, вообще в искусстве, абсолютно необходимы и должны быть всемерно поощряемы. Метод социального реализма дает для этого полный простор и замечательные возможности. Духовный мир человека, строящего коммунизм, должен предстать во всей глубине своего могучего характера в блестящей по форме литературе. Высокая идея, партийная принципиальность в изображении событий и главного героя их — человека труда — должны сочетаться с высокой художественностью. Только на этом пути ждут нас новые успехи...

Одним из существенных недостатков некоторых наших книг является несоответствие в пропорциях того авторского внимания, которое делат между собой людьми и машинами.

Это одна из проблем наших произведений, действия которых происходят на фабрике или заводе. И стоит, мне кажется, поговорить о ней, ибо наша главная задача, дело нашей чести — верно показывать жизнь героического рабочего класса, на положительных примерах воспитывать новые поколения строителей коммунизма.

В теории как будто все сошлось на том, что главное — это человек. Но на практике не всегда умеем построить повествование так, чтобы человек не замыслился его современными машинами. Романтика труда раскрывается не через работу механизмов.

Если действие происходит на трубном заводе, читатель, как правило, получа-

ет утомительно подробный рассказ о станках, станках, автоматике и прочем. Если это металлургия, производственные процессы описываются с завидной скрупулезностью составителей учебников. Если же это деревня, то чуть ли не каждая глава соответствует графику весенних или осенних полевых работ. Но обратимся к классике. Там можно найти некоторые поучительные примеры.

Называю первые пришедшие на ум произведения: «Углекопы» Золя и «Молох» Куприна. Можно ли сказать, что в них механизмы отгесили на второй план человека? Нет, нельзя. А уж до чего, казалось бы, «прозвонисты» эти книги! Возьмем современную нам книгу — «Три товарища» Ремарка. Разве мы найдем в этом романе советы, как производить ремонт автомашин, которым заняты три товарища? А ведь роман населен живыми людьми!

Мы поставили перед собой благороднейшую и труднейшую задачу — раскрывать светлые стороны души человеческой, показывать человека труда в труде, в будничной обстановке. Но мы не всегда умеем делать это увлекательно. Мы подчас забываем, что живем в век широчайшего наступления кино, в век генерального проникновения телевидения во все поры нашего бытия и что наш читатель будет выбирать то, что поинтереснее.

Время наше — время машин, науки, техники. Отпечаток атомного века, эпохи спутников должны нести на себе наши лучшие книги. Без этого нельзя. И все-таки самое главное не в этом. Пушкин, например, не успел «отразить» в своих стихах и прозе достижения электричества — этого грядущего чуда техники (электростатические опыты изучали еще допускский мир). В 1802 году В. Петров открыл электрическую дугу. В 1829 году в Англию появилось подлинное чудо девятнадцатого века — «Ракет» Стефенсона, а спустя пять лет в Нижнем Тагиле уже работал паровоз Черепановых. Но у кого же из нас повернется язык упрекнуть Пушкина в том, что в его стихах нет всего этого? Ибо в его творчестве есть самое главное, что требуется от литератора, — человек. Современник запечатлен поэтом полнокровно, и запечатлен

и тут не до мелочей, не до литературных распрей, ибо Ваше выступление, на мой взгляд, было продиктовано заботой о художественном качестве нашей поэзии вообще.

Я надеюсь, что сумею вновь заслужить ту добрую оценку читателей и критики, которую получили мои некоторые прежние стихи и поэмы.

С уважением
Алексей МАРКОВ

утомительно подробный рассказ о станках, станках, автоматике и прочем. Если это металлургия, производственные процессы описываются с завидной скрупулезностью составителей учебников. Если же это деревня, то чуть ли не каждая глава соответствует графику весенних или осенних полевых работ. Но обратимся к классике. Там можно найти некоторые поучительные примеры.

Называю первые пришедшие на ум произведения: «Углекопы» Золя и «Молох» Куприна. Можно ли сказать, что в них механизмы отгесили на второй план человека? Нет, нельзя. А уж до чего, казалось бы, «прозвонисты» эти книги! Возьмем современную нам книгу — «Три товарища» Ремарка. Разве мы найдем в этом романе советы, как производить ремонт автомашин, которым заняты три товарища? А ведь роман населен живыми людьми!

Мы поставили перед собой благороднейшую и труднейшую задачу — раскрывать светлые стороны души человеческой, показывать человека труда в труде, в будничной обстановке. Но мы не всегда умеем делать это увлекательно. Мы подчас забываем, что живем в век широчайшего наступления кино, в век генерального проникновения телевидения во все поры нашего бытия и что наш читатель будет выбирать то, что поинтереснее.

Время наше — время машин, науки, техники. Отпечаток атомного века, эпохи спутников должны нести на себе наши лучшие книги. Без этого нельзя. И все-таки самое главное не в этом. Пушкин, например, не успел «отразить» в своих стихах и прозе достижения электричества — этого грядущего чуда техники (электростатические опыты изучали еще допускский мир). В 1802 году В. Петров открыл электрическую дугу. В 1829 году в Англию появилось подлинное чудо девятнадцатого века — «Ракет» Стефенсона, а спустя пять лет в Нижнем Тагиле уже работал паровоз Черепановых. Но у кого же из нас повернется язык упрекнуть Пушкина в том, что в его стихах нет всего этого? Ибо в его творчестве есть самое главное, что требуется от литератора, — человек. Современник запечатлен поэтом полнокровно, и запечатлен

и тут не до мелочей, не до литературных распрей, ибо Ваше выступление, на мой взгляд, было продиктовано заботой о художественном качестве нашей поэзии вообще.

Я надеюсь, что сумею вновь заслужить ту добрую оценку читателей и критики, которую получили мои некоторые прежние стихи и поэмы.

С уважением
Алексей МАРКОВ

утомительно подробный рассказ о станках, станках, автоматике и прочем. Если это металлургия, производственные процессы описываются с завидной скрупулезностью составителей учебников. Если же это деревня, то чуть ли не каждая глава соответствует графику весенних или осенних полевых работ. Но обратимся к классике. Там можно найти некоторые поучительные примеры.

ДОМИК НА КРАСНОАРМЕЙСКОЙ...

В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ, на Красноармейской улице, стоит небольшой бревенчатый дом в три окна. Здесь жил и работал замечательный уральский писатель Алексей Петрович Бондин.

— Все в этой комнате осталось таким, как было при жизни Алексея Петровича, — рассказывает его жена Александра Самуиловна. — Мы готовимся к открытию музея и приводим в порядок большую архив писателя.

А. С. Бондина показывает нам рукописи неопубликованных рассказов: «Феоплентич», «График», «Безбожник», «Новая суббота», «Две встречи».

— А вот интересная книжка, посмотрите.

На обложке изображена сцена с поднятым занавесом. Упавшая на колени женщина протягивает руку. Перед ней — офицер с нагайкой в руках. Это иллюстрация к пьесе А. П. Бондина «Враги», изданной в 1924 году в Екатеринбурге. Она посвящена событиям гражданской войны и является одной из первых советских пьес на эту тему.

В витрине и на полках установлены разные издания произведений А. П. Бондина: «Логан», «Моя школа», «В лесу», «Ольга Ермолаева» и другие.

Экспозиция музея рассказывает о трудном жизненном пути А. П. Бондина — его скитаниях по России, участии в знаменитой сортовой демонстрации и знакомстве с ее организатором П. А. Заломовым, о работе на заводах Петербурга, о революционных событиях 1905 года в Тагиле.

На снимках: сверху — домик А. П. Бондина; слева — одна из последних фотографий писателя (публикуется впервые).

А. АЛЕКСЕЕВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ

Словно по заказу, дала несчастья сразу, дала человека в оборот, часовых поставила у ворот. Счастье почему-то сбилось вдруг с маршрута и, бегая по извилистой дорожке, приказало: двигаться нельзя. Вьелась боль недуга.

А вослед подруга (не помышляй — от блажи или со зла) в трудный час вяла и подвела. Человек расстался с той, что повстречался восемнадцать лет назад тому, черноморской осенью в Крыму. Позабыл про милость, горю навалило в сумрачной лекарственной тиши на загорбок согнутой души. Что же ты, природа?!

Жалко кислорода? Или ты оглохла невзначай? Отважись! Откликнись! Выручай! Где же ты, закалка?! Силы-воли жалко? Видишь, жизнь висит на волоске, человек — как рыба на песке. «Всё! — враги сказали. — Вытнеть едва ли. Отважись заутреню, кажись. А друзья окликнули: «Держись». Дружеское слово, сколько в нем дневно, огонька, летящего сквозь туму, рожденного солнцу одному! Ну, и стал держаться, зубы сжав, сражаясь по совету искренних друзей с океанной мучкой своей.

Вот и начал, мясь, словно обвиваясь, стучу к стучке ладить чередой. Все воображение бросил он в сражение, все цвета и запахи земля на подмогу в комнату пришли. Все простые средства, склепленные с детства, все резервы сердечной кладовой человек незрямо бросил в бой. Около постели птицы засветили, голый стол и тихий книжный шкаф обступили широки дубрав. Робко, понемногу, по шажку, по слогу, по былинке памяти сперва прибились нужные слова. И, осилив горе, с огоньком во взоре человек воспрянул и воспрес, карандаш держа наперевес. Что такое счастье? Над полновласть это слово собственной судьбой вопреки превратности любой.

И, наконец,

Литературное ОБОЗРЕНИЕ

ЩЕДРОСТЬ ДУШИ

Глеб Горышин «ХЛЕБ И СОЛЬ» «Советский писатель» Ленинград

Каждый из них закладывает по камню в фундамент будущего. Может быть, начало строительства в Сибири будет иметь потом такое же значение для человечества, как открытие новой части света. Увидеть и запечатлеть это начало — долг литератора. Показав пионеров Сибири еще необжитой, девственной — задача писателя увлекательнейшая.

Почти все рассказы Горышина — о Сибири. Горышин пишет о том, что знает не из вторых рук о тех местах, где сам был, о тех людях, с которыми сам ел хлеб и соль. Он пишет свои рассказы, наполняя их внутренним восторгом перед героями, не потому, что писать рассказы о Сибири — модно, а потому, что Сибирь томительно вяла его за сердце.

Над рассказами Горышина хочется думать. Их хочется перечитывать — первый признак таланта. А прочитав их, хочется самому сделать что-нибудь настоящее. Хочется научиться гонять плоты по холодным рекам, хочется не спать ночи, убирая хлеб. Или вести машину по степи. Или посадить хоть одну яблоню в своей жизни.

Рассказы Горышина мобилизуют. Есть книга, судьба которых — срывать людей с места и бросать их в далекое. Есть книги, прочитав которые, люди едут на Белое море или на Камчатку, или становятся моряками, или охотниками... Авторы таких книг представляют нам людей шедшими на красоту и добро. Она проходит, подарив вас улыбку, понимая вас куда-то, так что сожмется от глухого волнения сердце.

Юрий КОЗАНОВ

Необязательная монументальность

По существу, это была, конечно, повесть, а не роман, как значилось на титуле: основные герои книги хорошо умещались на площадке фронтального аэродрома, жизнь которого близкому знакомому ее автору, чувашскому прозаику Владимиру Садаю, замысел же возник из благородного стремления литератора запечатлеть черты и судьбы своих сверстников, молодых людей военного поколения, сцены оногого быта и страсти, посвященные госпиталю, играли здесь скромную, подчиненную роль, что и понятно: ведь книга называлась — «Летчики».

И четыре года назад, когда она вышла в свет, думалось: вот очередной неплохой рассказ об одной из сторон военной действительности. Должно быть, еще долго будут появляться такие локальные, не претендующие на широкий охват событий произведения. Они полезны и как бы частично удовлетворяют читательскую жажду по книге, которая, наконец, в полном виде отразит всю суровую и великую правду минувшей войны... Вл. Садай наблюдателен, ему многое удалось.

Правда, не все, к сожалению. Если бы он теперь снова возвратился к своему труду, если бы освободил его от опасливости, от суховатых, почти протокольных мест, поднял бы его эмоциональный накал... Но намерения автора скрылись за строкой: «Конец первой книги».

Разные возможности таят за таким уведомлением... С формальной стороны его книга имеет сейчас, кажется, больше оснований быть принятой за роман, нежели в первом варианте: тут и объем, выросший вдвое, и солидное членение на части, и в добавление к «авиационному» материалу, картины пехотного наступления, и тыл: оборонный завод, трудящиеся восстановления колхозного села... Вл. Садай поступил по примеру тех, кто, располагая запасом выношенного материала на добрый очерк, старается выжать из него повесть или, не довольствуясь доброй повестью, считает себя обязанным построить многоплановый роман. Ибо, создавая вторую часть «Летчиков», автор наивысшая на сюжетный стержень боевые эпизоды, не добавляющие ни одной новой черты, ни одной новой краски к образам.

Из первой части читатель уже знает, как заблуждался летчик-стребитель Андрей Барабашкин, когда сел своего одноклассника по училищу Валентина Александрова «ябедой». «Но вскоре Барабашкин убедился в обратном»: спасая своего друга, Александров пошел в воздушном бою на таран. Во второй части Александров становится штурманом («или по ошибке, или так надо было...» — недоумевает сам герой по поводу этой метаморфозы. Конечно же, так надо было... автору). Ведь сделавшись летчиком-штурманом, Александров тут же снова спасает раненого Барабашкина, вывозя его на своем самолете с территории, занятой врагом... Вслед за тем Александров совершает еще один таран...

У автора была возможность придать своей книге цельность, сделать ее яркой, памятной для читателя. Как видим, нерасчетливо, не подкрепленное запасом выношенного материала стремление к обязательному созданию монументальных форм отомстило за себя...

А. АНФИНОГЕНОВ

КОРОТКО О КНИГАХ

«ЭТОТ МИР» Так называется книга новых стихов Сергея Кирсанова («Советский писатель»). Ее открывает раздел, который носит уже известное читателю название: «Ленинградская тетрадь». Необычен раздел «Поэма поэтов» — над стихами стоят имена незнакомых нам поэтов: Клима Сметанинова, Варвары Хохловой и др. — это новые герои поэзии Кирсанова. Значительное место в сборнике занимают произведения из заграничных стран и переводы (из Миддлвича, Тейне, Ст. И. Неймана и Неруды).

«ЧЕСТНОЕ КОМСОМОЛЬСКОЕ» повесть комсомольского агитатора Агнии Кузнецовой издана Детгизом. Читатели познакомились с ней еще в десятой книге «Юности» за прошлый год. В ней описываются события, происшедшие в далеком сибирском селе Погорье. Одно из центральных мест в повести занимает жизнь школьника Саша Коновалова, погибшего при спасении МТС от пожара. Написана повесть интересно, отличным языком, со знанием дела и большой любовью к юным гражданам, для которых слова «честное комсомольское» являются священными. Это произведение займет свое место среди книг, посвященных нашим молодым современникам.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 87 14 июля 1959 г. 3

БОЛЬШОЙ ГОД ИРАКА

Георгий КУБЛИЦКИЙ

РОВНО ГОД назад в предрассветный час возле полускрытого эвклиптического королевского дворца Рихаб произошло несколько автомобильных. Это не были роскошные черные лимузины, к которым привыкла дворцовая охрана. Испуганный часовой увидел, что с военных зеленых машин соскакивают солдаты и офицеры и бегут к железным воротам... Два часа спустя радио Багдада начало устремленно передачу возмущенным обращением к народу. А еще через полчаса мир облетела новость: в Ираке революция, черный режим короля Фейсала и ненавистного Нури Салда сметены восставшими народом и армией.

Сто семьдесят лет назад гневный Паря в день 14 июля сломал ворота Бастилии и освободил томившихся там узников. Падение «средневековой Бастилии» 14 июля 1958 года освободило народ-узник, народ-страдалец, закованный в цепи колониализма, посаженный на пекетюремного карцера: хлеба не досыта, воды не вволю.

Сегодня Иракская республика празднует годовщину бессмертной революции. Под этим именем вошли июльские события в историю страны.

Трудным был первый год республиканского Ирака — год тревог и наскок, бурных митингов на площадях и ночных дозоров у мостов, год злых проговоров старых врагов и обретения новых искренних друзей.

Вы помните: переодетый в платье старухи, прикрыл лицо чадрой, Нури Салд еще метаясь в свои последние часы по закоулкам Багдада, а в фире уже перекинулись корабли шестого американского флота, спешившего в чужие воды. Еще составлялись первые законы революции, а на землю граничащую с Ираком Иордания уже съехалась английские парашютисты. В те дни полководцы «холодной войны» азартно испещрили карты стрелами массированных ударов. Лишь воля миролюбивых народов помешала им использовать выстрелы у дворца Рихаб в Багдаде так же, как почти полвека назад были использованы выстрелы на набережной в Сараеве...

Год был трудным для нового Ирака и потому, что черный режим оставил дурное наследство. Республике досталась расшатанная экономика, приспособленная колониальными для своего обогащения, для беднейшей жизни чуждым держащим короля паразитов, для высасывания соков из иракской земли. В эту землю чертополохом вцепились давно пережившие свой век феодалы. В иракской деревне им принадлежали поля и воды.

По сохранившимся чуть ли не со времен крестовых походов законам они наследовали право казнить и миловать крестьянина-феодала. Миллионы безземельных бедняков отапливали две трети урожая за то, что помещик разрешал им сеять на землях его необозримых владений.

Революция досталась страна, где в деревнях из каждой ста человек девяносто девять не умели написать свое имя. При черном режиме почти не строили заводов: считалось, что под кровлю ремесленника, где ничего не изменилось со времен Гарун ар-Рашида, революционной «зарра» будет проникнуть труднее, чем под своды заводского цеха.

Вот со всем этим тяжелым грузом прошлого и начала жизнь республика Ирак

На строительной американской выставке. Владимир Кондрашов и Дныозеф Шепард уже познакомились.

Гарольд Макклелан рассказывает...

ЕСЛИ взглянуть сверху на зеленые просторы Сокольничьего парка, в глаза бросятся два не совсем обычных, недавно появившихся здесь сооружения. Одно похоже на большой оранжевый купол, другое — на раскрытый веер. А рядом виднеются три семейства гигантских светло-зеленых пластмассовых грибов, их головки слились в общий ансамбль. Посудую грузовые машины, строительные материалы, катки для асфальта, ящики. В этом парке сегодня не отдыхают, — здесь работают. И даже ноют.

Это строительная площадка Американской национальной выставки в Москве, которая откроется 25 июля. Оранжевый купол высотой почти в 24 метра, главный веерообразный павильон, пластмассовые грибы — ее основные сооружения.

Придем в главный павильон. Что здесь происходит сейчас? На днях на выставку прибыло 75 гидов. Их сразу включили в работу. Они помогают установить первые экспонаты. Чем они занимались дома? Среди гидов — студенты Вашингтонского университета, выпускники Гарвардского и Джорджтаунского университетов, работники библиотеки американского конгресса и даже член редколлегии известного своей приверженностью «холодной войне»

еще одно государство, вырвавшееся из хитросплетенной сети колониализма. «Свободный мир» отнюдь не прядет-волок ее рождение. Ей угрожали. Ей прочили гибель. Ее пытались взорвать изнутри грязными заговорами. Не счастье взорных, глухих, диких выдумок, распространяемых о ней. Тут было исполнено все: от утверждения, что через месяц-два нефтяная промышленность Ирака будет возвращена в первозданный хаос, до попыток объявить деятелей революции «слугами дьявола», а вернувшихся на родину курдов «коммунистическими агентами», намеревающимися установить в Ираке «красное господство».

Но «дьявол», как видно, в отличие от некоторых господ, придерживается политики невмешательства во внутренние дела Ирака. Курды же, вернувшись в родные места, вместо немедленного установления «красного господства» стали сажать сады, лечить скот, учить грамоте ребят в горных деревушках. Что касается нефтяной промышленности, то не кто иной, как лорд Монктон, президент «Ирак петролеум компани», которая добывает иракскую нефть, вынужден был заявить после поездки в страну: «Нефте-промыслы в порядке».

Возможно, что в Ираке еще продается номер солидного американского журнала, выпущенного несколько месяцев спустя после революции. В нем описывается путешествие по странам Востока члена Верховного суда США Уильяма Дугласа. Мистер Дуглас приводит свой разговор с иракским феодалом — представителем религиозной секты иезуитов, на волеугодную: является ли Багдадский пакт «хорошей защитой против коммунизма». Но, как известно, сия тема представляет ныне чисто академический интерес. Республиканский Ирак не имеет к этому пакту никакого отношения.

Революция внесла и многие другие поправки в описание мажорного путешествия. Мистер Дуглас с оптимизмом сложившем сообщал, например, что его собеседник может забрать себе любую дом, скот, пищу, может взять любую принадлежащую к секте женщину в свой гарем, может приготавливать иезуитов к смерти.

В это описание, по вине Дугласа, упорно не пожелавшего замечать революции в Ираке, выразилась досадная неточность: надо было везде писать «мог» вместо «может», потому что революция отменила варварский закон о племенных судах, которые превращали всевозможных феодалов, захвативших кое-где и духовную власть, в неограниченных деспотов.

Да, многое ушло в прошлое за большой год жизни республиканского Ирака. Пусть еще далеко не везде поднялись воды, но семена брошены и урожаи — быть! Еще редки в Ираке торжества, когда разрезается лента, открывая вход в ворота нового завода или предприятия. В иракских городах еще не увидишь районов новых домов, построенных для тех, кто ютится в лачугах, сколоченных из разного хлама. Но-прежнему считается в иракской деревне ученым человеком грамотный, который с грехом пополам может прочесть вслух газету, и еще не для всех, кто хочет учиться, находится место в школах.

Но уже выкапываются деньги для строительства новых нефтяных промыслов. Составляются проекты мартенов, машиностроительных заводов: выбираются места, где поднимутся дома для обит-

тателей групп Багдада, Басры, и уже в нынешнем году на просвещения тратится неслыханная для Ирака сумма — шестая часть всего бюджета.

Новые ветры веют и над иракской деревней. Закон об аграрной реформе оставил помещиков помещиками и не сделал всех крестьян собственниками обрабатываемых ими клочков земли. Но теперь в стране нет такого феодала, который мог бы похвастаться, что его владения равны четвертой части Бельгии. Налички помещицкой земли сверх установленной законом нормы распределяются между феодалами. Дело это не легкое. Иракские помещики — не ангелы во плоти. В деревне идет жестокая борьба, явная и тайная. В руках помещика и его наемников — автомашины с иностранным клеймом. Помещик Мухамед Насрула ответил пулями на требования крестьян — и пять семей хорошилы кормильцев.

Но ушли в прошлое времена, когда убийда мог призвать на помощь позицию и найти покровителей в неправедном суде королевского Багдада.

...Трудный год. Полегло добыта победа. Праздничные колонны идут сегодня по горячей и пыльной иракской земле, обильно политой потом и кровью.

Мне пришлось видеть Багдад в дни демонстрации. Я знаю — флаги и пестрые ковры свисают сегодня с балконов. Из узких переулков, из скученных кварталов старой части города, развинутых кое-где прямоугольниками дворов, на которые падает тень минарета, люди в праздничных одеждах стремятся к простору площади Ат-Тахир. Они идут из окраин и заречной части города. Пересекает Тигр по Мосту павших борцов. За десять лет до революции здесь произошла кровавая битва демонстрантов с полицией — одна из тех бесчисленных больших и малых схваток, которые, в конце концов, распахали королевский трон и подготовили победу бессмертной революции. Сегодня люди, ковавшие эту победу в годы подполья, шагают в первых рядах праздничных колонн, а рядом с ними — скрыты, вдовы повешенных и расстрелянных.

Идут рабочие завода «Рафидайн», трудящиеся мастерских с улицы Омара, первые труженики. Рука об руку идут арабы и курды. Теперь они равноправны. Революция сдружила их, и отныне на гербе Ирака — перекрещенные мечи, смятый кровного братства двух народов.

Тот, кто шагает сегодня по иракской земле, полон надежд, полон веры в будущее. За это будущее еще надо долго бороться, но иракскому народу не привыкать к борьбе. Он радуется, когда слышит, что правительство хочет всем дать работу, хлеб и кров над головой. Он радуется, когда слышит, что крестьянин, работающий на земле, должен получать справедливую долю за свой тяжелый труд. Он радуется, когда слышит, что правительство намерено строить образцовые деревни, где будет не только чистая вода для питья, но даже электричество.

За год, мигнувший после июльских ночей, Ирак потерял «союзников» по Багдадскому пакту, утратил славу «образцового государства», который пользовался среди политиков «свободного мира». За тот же большой год он напечатал сотни миллионов искренних, бескорыстных друзей в странах социалистического лагеря, превратился в государство, где устанавливаются более передовые порядки, чем в соседних странах Арабского Востока.

Праздничные колонны идут сегодня по земле — родине древнейшей культуры Шумера, по земле, помнящей расцвет Вавилона и походы Ассирии, по земле, где вот уже много столетий сменяют друг друга поколения людей, мечтающих о мире и хлебе, о счастье и справедливости. И не нынешнему ли поколению суждено увидеть на берегах Тигра и Евфрата начало осуществления того, о чем мечтали бесчестная череда предшествовавших!

журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». И это неплохо! Будем надеяться, что после пребывания этого сотрудника в Москве настроения журнала изменятся...

Мы решили не мешать гитам освещать новые специальности, — день открытия выставки не за горами, и работу надо окончить в срок. Впрочем, наш альтруизм объяснялся просто. У нас уже был «гид» — генеральный директор выставки Гарольд Макклелан, который любезно рассказал нам обо всем, что увидят советские люди.

Представим вам мистера Макклелана. Это высокий интеллигентный человек лет пятидесяти. Глава фирмы по производству красок в Лос-Анжелесе. «Фабрикант по краскам» — так он откровенно довался нам. Однако его деятельность не ограничивалась красками. Он был помощником министра торговли США, а в 1954 году Макклелан возглавлял Национальную ассоциацию промышленников — НАП (главный штаб американских дельцов, самая крупная организация капиталистов США).

Мистер Макклелан многое повидал за свою жизнь. Он работал в 35 странах. У него немалый организаторский опыт. Видимо, поэтому выбор американского правительства пал на него. — А чем вы руководствовались, принимая предложения правительства? — спрашиваем мы.

— Я бросил свой бизнес и решил поехать в Москву, потому что придаю очень большое значение предстоящей выставке. По существу, впервые у такого большого числа людей появилась возможность узнать друг друга. Я стараюсь сделать то же, что господин Манжуло хорошо делает в Нью-Йорке.

Разговор заходит о первоначальной стадии подготовки выставки. Кто разработал общий план выставки? Почему была избрана такая форма зданий? Обычны ли эти конструкции для строи-

тельства в Соединенных Штатах? Мистер Макклелан подробно отвечает на все наши вопросы.

С октября прошлого года он был в Москве шесть раз. Он подробно изучил планировку Сокольничьего парка. Дома, в Америке, совместно с архитекторами, в соответствии с этой планировкой был разработан макет выставки.

— Вот видите, — мистер Макклелан быстро набрасывает небольшой чертёж на бумаге, — принцип планировки парка — лучи, которые сходятся в центре, где мы и поместили наш купол. Он удачно «вписывается» в эту планировку, так же как и веерообразный павильон. Основой строительный материал — алюминий и пластмасса. Здания такого рода характерны для Америки, однако все, что вы видите, построено специально для выставки.

Архитектурные работы производит фирма Уолтон Бенкет компани. Она широко известна в США. Глава этой фирмы Уолтон Бенкет — один из лучших американских архитекторов. Здания, им построенные, имеются во многих странах мира. Вице-президент фирмы Кент Этридж дважды был в Советском Союзе, изучал на месте условия строительства выставки. Не менее интересна творческая биография главного художника выставки Джорджа Нельсона, лауреата многих американских премий в области художественного оформления зданий.

— Таким образом, можно считать, что к оформлению привлечены лучшие архитектурно-художественные силы США? — спрашиваем мы.

Макклелан отвечает утвердительно. — Что же будет в этих зданиях? Что увидят посетители выставки? — Я думаю, — говорит мистер Макклелан, — посетители выставки заинтересует коллекция фотографий Эдварда Стейхана, которая демонстрировалась во многих странах, электронно-счетная машина, произведения искусства, цветное телевидение, моды...

В главном веерообразном двухэтажном павильоне представлены различные стороны американской жизни — от спортивного инвентаря до произведений литературы, музыки, живописи, театра, от детских игрушек до космических исследований. В куполе, сооруженном из ромбовидных плит оксидированного алюминия, устанавливаются экспонаты по промышленности, сельскому хозяйству, здравоохранению и т.д.

На выставке будет показан также

В 1950 ГОДУ

в Багдаде, подняв глаза от ученических тетрадок, которые он просматривал по пути на работу, Десмонд Стюарт увидел из окна трамвая человека, пошеволенного посреди города. Это был Фахад — лидер местных коммунистов, имя которого по-арабски означает леопард... Вышедший вскоре после этого первый роман Стюарта назывался «Леопард в траве». Молодой англичанин, герой книги, становится террористом, желая отомстить за смерть другого молодого человека — араба, пошеволенного по обвинению в не совершеном им преступлении. Автор сейчас называет свой первый роман незрелым и «неудачным», однако уже в нем — налицо страстный протест против несправедливости, горячая симпатия к угнетенным, но не сочувствиям борцам за свободу.

Десмонд Стюарт — не коммунист. В его мировоззрении немало еще тех самых противоречий, которые окрашивают до нашего времени сознание подавляющего большинства представителей английской интеллигенции. Во взглядах его на общественные системы, на методы борьбы, порой — на искусство, еще много путаницы, порожденной влиянием воспринятых им буржуазных идей.

В свои первые годы на Арабском Востоке Десмонд Стюарт, сын английского врача, получивший традиционное английское воспитание и образование, еще мало знал о методах британского колониализма. Его университетом стала освободительная борьба, открывшая ему глаза на ту простую истину, что «знающий народ имеет право решать свою судьбу без постороннего вмешательства». Жизнь среди арабов, язык и культуру которых Стюарт с большим уважением изучил, помогла писателю разобраться во многом.

...Во второй книге Стюарта — романе «Неподходящий англичанин» — больше целеустремленности, больше понимания происходящей вокруг него борьбы и участвующей в ней сил.

Это сатирический роман о молодом англичанине, посмевшем нарушить неписаные законы превосходства белого и «унизившем» свое британское достоинство работой у араба.

«Мидия», в которой разворачиваются события, это некое политическое собрательное — страна, в которой хозяйничают британские охотники за чужой нефтью, притягивающие по личной лицеприимости «слабым странам» беззащитнейшим грабем и циничное пренебрежение к ограбленным. Значительно глубже здесь и понимание тех сил, которые участвуют в освободительной борьбе, и тех противоречий, от которых она далеко не свободна.

Империалистическая агрессия в Египте в 1956 году, события в Ливане летом 1958 года послужили реальной основой для двух публицистических книг, выпущенных Стюартом одна за другой. — «Молодой Египет» (1958 г.) и «Весполокство в Бейруте» (1959 г.).

По словам самого автора, первая из этих книг была продиктована стремлением «объяснить читателям западного мира, что для Египта означал империализм, чем была вызвана освободительная борьба египетского народа и чего он достиг, оказавшись свободным». Можно спорить с оценкой отдельных деятелей освобожденной страны (не соглашаясь, в частности, с портретом Насера, данным в книге), однако общая тенденция — бесспорна, бесспорны выводы, к которым приходит Стюарт, проанализировав народы Востока, добившиеся независимости.

Автор книги, чрезвычайно неудобный британской империалистической реакции, сам стал за последние время «неподходящим англичанином», мишенью злобных нападок реакционной прессы. «Позицию автора невозможно перенарвать», — заканчивает свой отзыв к книге Стюарта «Весполокство в Бейруте» рецензент «Таймс литературы саплетем».

Едва ли лучшая судьба ожидает новую книгу Стюарта, выпущенную им в феврале текущего года.

«Женщина в осаде» — назвал свой новый роман об Арабском Востоке автор «Неподходящего англичанина». Ме-

стандартный американский жилой дом, его стоимость — 12—15 тысяч долларов. Фирма предоставляет тридцатилетнюю рассрочку. Мистер Макклелан с карандашом в руках подсчитывает, что в месяц владение дома должно платить 120—150 долларов. По мнению нашего собеседника, это вполне доступная цена. Заметим, что официальная статистика придерживается другой точки зрения. Такой дом может позволить себе купить только семья с ежегодным доходом не менее 7 850 долларов. Между тем 85 процентов американских семей зарабатывают меньше этой суммы. Был бы интересно посмотреть, как живут люди, которые могут только мечтать о стандартном доме. Почему бы не показать их жизнь на выставке?.. Но не будем спорить с мистером Макклеланом. Мы задаем ему следующий вопрос: как будет представлена на выставке американская литература?

— Мы отобрали для экспозиции 8 000 книг. Это художественная, специальная, историческая литература, выпущенная 200 американскими издательствами.

Мы напоминаем Макклелану, что в будущем году исполняется 125 лет со дня рождения и 50 лет со дня смерти Марка Твена. Советские читатели любят произведения замечательного американского писателя. Собираются ли организаторы выставки, учитывая эти даты, показать какие-нибудь интересные материалы, связанные с жизнью и творчеством Твена?

— Мы выставим фотографии Марка Твена в галерее великих американцев. — А новые публикации, неизвестные авторграфы, последние американские издания книг великого писателя? — Нет...

Затем разговор заходит о скульптуре и живописи. Мы интересуемся, приняты ли во внимание устроители выставки критические замечания, раздававшиеся в США по адресу произведений современного американского изобразительного искусства, демонстрировавшихся в прошлом году в Брюсселе. Мистер Макклелан рассказывает, что, готовясь к выставке в Москве, он привлечен в качестве экспертов опытных специалистов в области современного изобразительного искусства. Они отобрали лучшие и характерные работы американских художников и скульпторов.

— Мнения, возможно, будут расходиться, но я надеюсь, эти произведения американского искусства понравятся советским людям...

«НЕПОДХОДЯЩИЙ АНГЛИЧАНИН»

В. ИВАНОВА

сто действия снова «Мидия» — страна под прозрачным псевдонимом, за которым в данном случае достаточно четко встает Ирак, где Десмонд Стюарт проведет 8 лет. Время действия — зима 1956—1957 гг., период контрреволюционного мятежа в Венгрии и суэцкой авантюры в Египте. Книга блестяще передает атмосферу этого года ожесточенного наступления реакции, года отчаянных слухов и прямой клеветы на Советский Союз.

Центральное место в романе занимает история немолодой женщины Лизы — венгерки по национальности, ставшей женой английского журналиста Кохгхала. Она не сумела ни принять, ни до конца отвергнуть мир, интересами которого живет и интересам которого служит ее муж, «получающий высокие оклады за ту пропаганду, которую он ведет в пользу нефтяных компаний Великобритании».

Фигуры того общественного «фона», на котором разворачивается сюжет, — это живые люди. В их реалистическом обрисовке Стюарт редко уже прибегает к гротеску, окрашивающему его предыдущий роман. Сила типичных обобщений, которые здесь делает автор, основывается на глубоком знании людей и отношений, на зрелом понимании хода разворачивавшейся на его глазах борьбы.

На одном полусе мира, нарисованного Стюартом в его новой книге, мира, «который зависел от Суэца как своей кардинальной артерии и от нефти как

отповской нежностью. — Нет такого совершенства, которое бы человеческая мысль не сумела еще больше усовершенствовать. Под влиянием этих слов мной овладел небывалый подъем.

Через некоторое время я уже имел под руками готовую бомбу на два миллиарда человек. Я пожелал к фабриканту, но возвратился с лестничной клеткой и трудолюбиво добавил еще полмиллиарда. Какой-то внутренний голос подсказывал мне, что я приблизился к идеалу.

Фабрикант оружия больше не мог скрывать радости, которая в полном смысле слова его расправила. Казалось, что кровь у него вот-вот брызнет изо всех пор, такой он стал красный.

— Два с половиной миллиарда... — говорил он, не нарадуясь достигнутому результату.

Наконец, наравдовавшись, он немного подумал и спросил: — А сколько всего людей на свете? — Два с половиной миллиарда, — ответил я.

Фабрикант наморщил лоб. — Означает ли это, что я тоже нахожусь в этом числе? — Конечно... — ответил я, несколько смущенный.

В течение минуты он собрался с силами, потом заорал: — К чертовой матери! такую бомбу!

И выбросил меня за дверь. — Трудно угодить человеку, — с грустью подумал я, падал с лестницы.

Теперь мне придется предстать перед судом за покушение на убийство фабриканта оружия...

Перевод с польского Н. ЛАВРОВСКОГО

Общие расходы по выставке достигают нескольких миллионов долларов. Кто ее финансирует? Половину расходов — свыше трех миллионов долларов — оплачивает американское правительство, остальную часть средств предоставляют различные фирмы. Почти все, что будет показано на выставке, — продукция 700 американских фирм.

Преследуют ли фирмы какие-либо коммерческие цели? — Конечно, — говорит Макклелан, — однако это не самое важное. Мы считаем, что наша выставка — крупное капиталовложение в будущее. Большинство представленных фирм в настоящее время не имеет торговых интересов в Советском Союзе. Но выставка должна помочь установлению коммерческих связей, расширению экономического сотрудничества. А это важно и для нас, и для вас.

Нельзя не согласиться с трезвыми взглядами мистера Макклелана. Их разделяют многие его соотечественники. Тем более странно звучит последнее заявление государственного департамента, которое стало известно уже после нашей встречи с генеральным директором выставки. Государственный департамент высказывает против развития торговли, потому что это бы «укрепило потенциального врага». Что же получается? Макклелан — за торговлю с Советским Союзом, государственный департамент — против. Какое же истинная цель американцев? Может быть, все-что в Америке считают, что выставка — это лишь вклад в «холодную войну»? Если рассматривать Советский Союз как «потенциального врага», то можно с уверенностью сказать: выставка не будет иметь успеха. Выставка должна служить не разжиганию вражды, а развитию сотрудничества. В таком духе и высказался в беседе с нами мистер Макклелан.

Взаимопонимание во всем — вот главная цель выставки, — заявляет он. На строительной площадке в Сокольничьем парке трудятся и американцы, и русские. Они установили деловой контакт быстрее, чем это удается дипломатам. Макклелан высокого мнения о квалификации советских рабо-

своей основной пищи», стоят те, которые либо «начают нефть», либо «начают пропаганду», цинично признаваясь при этом в своем безразличии и даже отравлении к арабам.

На другом полусе — уже новые люди: молодые силы, вызванные к жизни новым миропониманием автора и новой обстановкой, — студенты и молодые офицеры, интеллигенты и рабочие. Среди них — юная коммунистка Афта, отдающая жизнь за освобождение своего народа, своей «ограбленной, оборванной страны». Все они — люди не только борющиеся, но мыслящие, с открытыми глазами идущие по трудной дороге, ведущей к освобождению.

Книга Стюарта, рисующая Арабский Восток в тревожные для него дни суэцкой агрессии, охватывает период, предшествовавший тем дням, когда народ Ирака («Мидия») осуществил то, за что погибла замечательная девушка Афта, за что бросали сотнями по тюрьмам ее друзей и единомышленников. Но эта книга проникнута уверенностью автора в неминучности светлого конца, свидетелем которого вскоре пришлось стать «неподходящему англичанину».

Народы Арабского Востока один за другим сбрасывают с себя иго иностранных агрессоров и паразитов. Центр борьбы перемещается в настоящее время на юг Африки, в страны черного континента, не освобожденного от колониального рабства. На юг Африки сейчас устремлены и мысли Стюарта. К изображению ее настоящего и будущего приковано за последнее время творческие замыслы этого интересного и растущего, молодого еще художника.

Я ПРИШЕЛ к фабриканту оружия как интересным проектом новейшей, доселе невиданной бомбы.

— Какова убойная сила вашего изобретения? — со знанием дела спросил фабрикант.

— Десять миллионов человек! — ответил я.

Фабрикант оружия от удовольствия даже причмокнул, но внешне оставался сдержанным.

— Гм... Цифра так себе, — безразлично сказал он. — Поработайте над этим еще, молодой человек.

Фабрикант оружия знал, как распалить мое самолюбие. Прошло сравнительно немного времени, а я уже сумел представить ему улучшенный проект с поправками.

— Теперь моя бомба в состоянии одним разом уложить полмиллиарда людей, — отразовал я.

Это известие доставило фабриканту большое удовольствие, однако он и здесь воздержался от проманных похвал, опасаясь, как бы мне не вздумалось похвастаться на лавах.

— Не снижайте темпов! — сказал он ободряюще. — Не останавливайтесь перед трудностями.

Я никогда не был лебезягой. Вскоре моя бомба приобрела силу, способную сделать мокрое место из целого миллиарда людей.

На этот раз фабрикант оружия пожамкал руку и выразил свою признательность.

Ну, ну... Это уже кое-что. В вас есть будущее, молодой человек!.. Окрытый успехом, я засучил рукава и взялся за работу еще энергичней. Через несколько дней, раскрасневшись и задыхаясь, я влетел в кабинет фабриканта.

— Полтора миллиарда! — воскликнул я, созная свой триумф.

Фабрикант оружия замурлыкал от удовольствия.

— Вот что значит непреклонно стремиться к идеалу, — сказал он с

БОМБА

Януш ОСЕНКА, польский писатель

Я никогда не был лебезягой. Вскоре моя бомба приобрела силу, способную сделать мокрое место из целого миллиарда людей.

На этот раз фабрикант оружия пожамкал руку и выразил свою признательность.

Ну, ну... Это уже кое-что. В вас есть будущее, молодой человек!.. Окрытый успехом, я засучил рукава и взялся за работу еще энергичней. Через несколько дней, раскрасневшись и задыхаясь, я влетел в кабинет фабриканта.

— Полтора миллиарда! — воскликнул я, созная свой триумф.

Фабрикант оружия замурлыкал от удовольствия.

— Вот что значит непреклонно стремиться к идеалу, — сказал он с

Общие расходы по выставке достигают нескольких миллионов долларов. Кто ее финансирует? Половину расходов — свыше трех миллионов долларов — оплачивает американское правительство, остальную часть средств предоставляют различные фирмы. Почти все, что будет показано на выставке, — продукция 700 американских фирм.

Преследуют ли фирмы какие-либо коммерческие цели? — Конечно, — говорит Макклелан, — однако это не самое важное. Мы считаем, что наша выставка — крупное капиталовложение в будущее. Большинство представленных фирм в настоящее время не имеет торговых интересов в Советском Союзе. Но выставка должна помочь установлению коммерческих связей, расширению экономического сотрудничества. А это важно и для нас, и для вас.

Нельзя не согласиться с трезвыми взглядами мистера Макклелана. Их разделяют многие его соотечественники. Тем более странно звучит последнее заявление государственного департамента, которое стало известно уже после нашей встречи с генеральным директором выставки. Государственный департамент высказывает против развития торговли, потому что это бы «укрепило потенциального врага». Что же получается? Макклелан — за торговлю с Советским Союзом, государственный департамент — против. Какое же истинная цель американцев? Может быть, все-что в Америке считают, что выставка — это лишь вклад в «холодную войну»? Если рассматривать Советский Союз как «потенциального врага», то можно с уверенностью сказать: выставка не будет иметь успеха. Выставка должна служить не разжиганию вражды, а развитию сотрудничества. В таком духе и высказался в беседе с нами мистер Макклелан.

Взаимопонимание во всем — вот главная цель выставки, — заявляет он. На строительной площадке в Сокольничьем парке трудятся и американцы, и русские. Они установили деловой контакт быстрее, чем это удается дипломатам. Макклелан высокого мнения о квалификации советских рабо-

Главный редактор С. С. МЯРНОВ. Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЯБИКОВ, В. А. СОЛОНОВ, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу. Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм СССР — К 4-03-48, для международной связи — К 4-03-48, отделы: литератур народо